

Поль Лакруа Фердинанд Сера

Средневековье и Ренессанс. Том 1

Перевод с французского Антонова В. А.

2026

УДК 82-1
ББК 84(4Фра)5-44
С-32

Сере, Поль Лакруа Фердинанд

С-32 Средневековье и Ренессанс. Том 1 / Поль Лакруа Фердинанд Сере; пер. с франц. Антонова В. А. — М. : Bookstart, 2026. — 588 с.

ISBN 978-5-0061-0327-6

Первый том коллекции «Средневековье и Ренессанс» (1848) под редакцией Поля Лакруа и Фердинанда Серэ — энциклопедический труд по истории европейской цивилизации V–XVI веков. Вместо политических событий в нём подробно рассматриваются социальная история, нравы, обычаи и материальная культура.

**УДК 82-1
ББК 84(4Фра)5-44**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

ISBN 978-5-0061-0327-6

© Антонов, В. А., перевод, 2026
© Bookstart (ООО «БУКАБУМ»), оформление, 2026

Оглавление

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ПОЛЬ ЛАКРУА (БИБЛИОФИЛ ЖАКОБ) И ФЕРДИНАНД СЕРЕ... 21	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. — НАВЫ И ОБЫЧАИ.....	
СОСТОЯНИЕ ЛИЦ И ЗЕМЕЛЬ.....	23
СУЕВЕРИЯ, НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ.....	59
ПРАЗДНЕСТВО ДУРАКОВ.....	125
ПРИВИЛЕГИИ И ФЕОДАЛЬНЫЕ ПРАВА.....	147
ПРИВИЛЕГИИ ГОРОДОВ, КОММУН И БУРЖУАЗИИ.....	169
I. — ДО КОММУН.....	170
II. — КОММУНЫ И БУРЖУАЗИИ	
§ 1.....	
— ОБЩИЙ ВЗГЛЯД.....	175
§ 2.....	
— ЮЖНЫЙ РЕГИОН. — ГОРОДА КОНСУЛЬСТВА.....	177
§ 3.....	
— СЕВЕРНЫЙ РЕГИОН. — КОММУНЫ-	
КОЛЯТВЫ.....	181
§ 4.....	
— ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФРАНЦИЯ. — ГОРОДА БУРЖУАЗИИ. —	
ДРУГИЕ КРАЯ ЕВРОПЫ.....	188
III. — УПАДОК КОММУН. — ПРОГРЕСС ТРЕТЬЕГО СОСЛО-	
ВИЯ.....	192
РЫЦАРСТВО.....	195
§ 1.....	
— О РЫЦАРСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	196
§ 2.....	
— О ДУЭЛЯХ.....	212
§ 3.....	
— О ТУРНИРАХ, ЖЮСТАХ И ПОДВИГАХ.....	222
УНИВЕРСИТЕТЫ, КОЛЛЕДЖИ, ШКОЛЬНИКИ.....	235

§ 1.....	
— ПАРИЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ГЛАВНЫЕ УНИВЕРСИТЕ-	
ТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	236
II. — КОЛЛЕДЖИ.....	261
III. — ШКОЛЬНИКИ.....	275
БОГЕМЦЫ, НИЩИЕ, ЖИТЬЮНЫ, ДВОР ЧУДЕС.....	287
ЕВРЕИ	347
ОХОТА.....	387
I. — ПСОВАЯ ОХОТА.....	388
II. — СОКОЛИНАЯ ОХОТА.....	411
III. — ПТИЦЕЛОВСТВО.....	434
ЕДА И КУХНЯ, ТРАПЕЗЫ И ПИРЫ.....	445

ОБЩЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Собственно говоря, Средние века начинаются во мраке варварства, с падения Западной империи, в 476 году, и простираются, через тысячу различных переворотов, до взятия Константинополя Магомедом II в 1453 году; Возрождение, которое обычно ведут от этой последней эпохи и которое открывает тогда новую эру, блистательно развивается до конца шестнадцатого века.

Однако эти два наименования — «Средние века» и «Возрождение», изобретенные для лучшей характеристики промежуточных эпох, отделяющих античные времена от современных, сегодня употребляются в менее определенном и более общем смысле. Под Средними веками особенно понимают самый прекрасный период феодализма, тот, что берет начало с одиннадцатого века и который под влиянием крестовых походов и рыцарства придает столь своеобразный и живописный облик нравам европейских народов; под Возрождением особенно понимают великое движение идей, пробуждающихся в середине пятнадцатого века и с жаром обращающихся к наукам, словесности и искусствам, чтобы преобразовать феодальный мир. Таким образом, мы не собираемся возвращать этим двум наименованиям, ныне принятым на всех языках и ежедневно употребляемым с некоторым, быть может, отступлением от их истинного происхождения и первоначального значения, более строгий смысл.

Нам хотелось обозначить словами «Средние века» и «Возрождение» более конкретно весь промежуток времени с десятого по семнадцатый век; мы полагаем, что эти два слова не будут ни туманными, ни двусмысленными для кого бы то ни было, когда мы применим их к истории нравов и обычаев, наук и словесности, искусств и изящных искусств на протяжении этого шестисотлетнего промежутка.

Не то чтобы мы думали, что можем всегда и неизменно брать за точку отсчета этот одиннадцатый век, который является своего

рода рубежом между мраком и светом; не то чтобы мы собирались всегда и строго следовать хронологическому порядку событий вплоть до последних лет этого чудесного шестнадцатого века, который один мог бы дать материал для издания столь же значительного, как настоящее; не то чтобы мы надеялись вместить в наш очерк все бесчисленные подробности частной и общественной жизни народов Европы: великие труды, как бы широко они ни были задуманы, как бы добросовестно ни исполнены, должны налагать на себя ограничения и допускать пробелы.

Нам не надлежит рассказывать политическую историю Средних веков и Возрождения в Европе, эту историю, до такой степени наполненную событиями и именами, что человеческая память оста-навливается в ужасе перед мыслью вместить их все; нам надлежит лишь изобразить историю нравов и особенно историю мысли в непрерывном и поступательном ходе цивилизации на протяжении шести веков. Это, как мы только что говорили, общественная и частная жизнь народов, главным образом французов, которую мы и намеревались изучить, представить точнее и, если можно так выразиться, интимнее, чем это делалось до сих пор.

Полотно, столь обширное, чтобы быть исполненным в единстве стиля и получить особый колорит для каждого эпизода этой многоликой композиции, должно прибегнуть к кисти и палитре множества художников: нужен был один, чтобы набросать план коллективного труда и распределить работу между всеми. Эта трудная и деликатная задача была предложена нам, и мы приняли ее с крайним недоверием к себе, но с абсолютным доверием к нашим ученым сотрудам.

Эта картина Средних веков и Возрождения не раз была задумана и даже начата; труд был выше сил одного работника: труд, следовательно, всегда оставался незавершенным. Аббат Лежандр набросал несколько черт этого обширного полотна в длинной главе своей «Истории Франции», озаглавленной: «Нравы и обычаи французов в первые времена монархии», когда маркиз де Полми, известный библиофил и неутомимый читатель тех книг, которые

он собирал с большими издержками, задумал использовать свои чтения, сопровождавшиеся заметками и выписками, для написания истории нравов и обычаев во Франции. Маркиз де Полми был, как и мы, поражен недостаточностью лучших исторических сочинений касательно этой столь любопытной и столь важной части нашей национальной истории. Он справедливо полагал, что французская археология должна быть для нас, французов, столь же драгоценной и, быть может, более интересной, чем греческая и римская археология, составляющая обычное занятие ученых академистов и коллегиальных профессоров. Тогда-то он с изумлением и обнаружил, что французской археологии нигде не существует и что этот богатый предмет никогда не был разработан. Чтобы разработать его как следует, он произвел разбор нескольких тысяч томов — хроник, романов, легенд, поэзий, кутюмников и т.д.; он изучал в особенности миниатюры рукописей, эти наивные и верные изображения частной жизни их современников; но он пренебрег тем, чтобы окружить себя предметами искусства, которые могли бы прояснить и дополнить его знания. В восемнадцатом веке еще и не помышляли о спасении и сохранении этих почтенных реликвий прошлого, которые ныне с уважением распределены по нашим собраниям. Маркиз де Полми не понимал прямой взаимосвязи, существовавшей между этими поставцами, диптихами, баулами — одним словом, между всей этой мебелью, всей этой утварью и нравами народа, который ими пользовался. Это неведение вещественных предметов и художественных приемов прежних времен стало бы причиной множества ошибок и упущений в археологических изысканиях автора. Маркиз де Полми присоединил к себе нескольких литераторов, более или менее способных содействовать этим изысканиям: Контана д'Орвиля, толкового компилятора, хотя и романиста и сочинителя комических опер; Леграна д'Осси, уже весьма сведущего в литературе труверов; Майера, довольно искусного составителя выписок, извлеченных из старинных романов и архивов, и т.д. Эта мастерская, организованная таким образом на почве шести

последних веков, переворошила множество книг и рукописей. Она подготовила сначала, словно для пробы к великому труду, бывшему мечтой маркиза де Полми, «Всеобщую библиотеку романов» и «Смесь, извлеченную из большой библиотеки», эти два объемистых собрания, где мы найдем столько заимствований, которые можно сделать, столько источников, которые следует почитать. Но главный труд не был опубликован. Раздор возник в стане работников, или компиляторов: каждый, за исключением Контана д'Орвиля, захотел присвоить материалы, собранные для маркиза де Полми; тот закрыл для них свою библиотеку и продолжал один, со своим верным Контаном д'Орвилем, предприятие, которое он задумал и представил подробный его план в одном из томов «Смеси, извлеченной из большой библиотеки». Но Легран д'Осси, удалившийся, нагруженный добычей из этой большой библиотеки, опередил его и выпустил в свет первые три тома «Истории частной жизни французов от начала нации до наших дней».

Эти три тома содержали лишь историю стола или питания со множеством относящихся к ней подробностей; но автор обещал продолжение, составленное по тому же плану, который маркиз де Полми обозначил четырьмя разделами: жилище, питание, одежда, развлечения или игры. Это продолжение должно было составить не менее девяти или двенадцати томов. С тех пор маркиз де Полми совершенно отказался от своего замысла, который предстояло выполнить его собственным литературным работникам. Легран д'Осси, однако, не продолжил выполнения этого замысла, который другие писатели пытались возобновить после него. Ж. Б. де Рокфор, более чем кто-либо способный продолжить труд Леграна д'Осси, удовольствовался тем, что объявил об этом продолжении, опубликовав новое аннотированное издание «Истории частной жизни французов». Ничего не вышло из этой второй части, которая должна была включать все, касающееся гражданской архитектуры, внутреннего убранства домов, мебелировки, одежды и украшений, одним словом, всего, что относится к костюму; а также обзор развлечений, игр и забав нации.

Без сомнения, рукописи ученого филолога Ж. Б. Б. де Рокфора были утеряны, как рукописи маркиза де Полми и Леграна д'Осси, когда г-н де Монтей предпринял переделать по иному плану труд, подготовленный и начатый его предшественниками. Г-н де Монтей выполнил эту трудную задачу с той добросовестностью и эрудицией, каких можно было от него ожидать. Его «История французов различных состояний в последние пять веков» останется как изумительное собрание терпеливых изысканий, как превосходный труд исторической реконструкции; но, быть может, г-н де Монтей не всегда схватывал истинный колорит картины, когда точно воспроизводил ее черты; одним словом, г-н де Монтей не археолог: он изучал отчеты, описи, акты и документы веков, в среду которых он переносился, скорее чем изучал памятники искусства; он читал рукописи, не уделяя большого внимания миниатюрам. Отсюда, без сомнения, сухость и бесцветное однообразие его книги, в остальном столь примечательной и полезной во многих отношениях.

Нам будет легко избежать этих недостатков, бросающихся нам в глаза в книге, ставшей почти классической во Франции и переведенной на несколько языков. Мы не полагались бы на свои силы, чтобы объять предмет столь же обширный, сколь и многообразный, но множество выдающихся писателей смогут осуществить то, чего не сумел бы выполнить один. Нам достаточно было распределить работу между самыми способными руками, и мы приняли во внимание при этом распределении склонности, специальности — если еще осмеливаются серьезно употреблять это выражение, — литературные труды наших сотрудников. Мы рассматриваем Средние века и Возрождение как две восхитительные страны, мало известные и часто плохо описанные, по краям которых толпятся туристы и которые лишь немногие просвещенные и отважные путешественники решаются посетить в подробностях. Следовательно, у этих путешественников и следует спрашивать рассказ о том, что они хорошо видели и наблюдали: одни совершали путешествие с точки зрения нравов, другие — с точки

зрения искусств; этот интересовался архитектурой, тот — живописью; тот был занят лишь культом и его обрядами; другой — политической и социальной организацией; третий — частной и внутренией жизнью. Ни один из этих путешественников, быть может, не дал себе отчета о целом и облике страны; но каждый привез оттуда какое-то верное воспоминание, какой-то живой образ, и все полезно подействует общему описанию Средних веков и Возрождения.

Это описание, эта история естественно начинается с одиннадцатого века; ибо в десятом веке существует, так сказать, медная стена, отделяющая собственно Средние века на две различные и почти чуждые друг другу части: до десятого века — это отблеск античных времен, продолжение галло-романской эпохи, борьба цивилизации и варварства; последняя, кажется, восторжествовала в десятом веке, все гаснет, все умирает, все кажется мертвым: нравы, науки, словесность и искусства. Десятый век покрывает свинцовым саваном древний мир, как и новый мир. Можно было бы подумать, что из этой могилы никогда не выйдут ни движение, ни свет. Но как только влияние одиннадцатого века дает себя почувствовать, свет возрождается, сначала слабый и неверный, потом он растет и распространяется; движение мало-помалу сообщается всем закоченевшим членам общественного тела, которое пробуждается к жизни более сильной и деятельной; варварство отступает по мере того, как продвигается цивилизация; варварство еще защищает свои завоевания и не уступает их без сопротивления, но цивилизация уже не останавливается и вскоре царит одна посреди блистательного развития нравов, наук, словесности и искусств.

Вот как мы поняли эту историю, с точки зрения нравов, равно как и с точки зрения наук, словесности и искусств, которые столь тесно связаны с нравами, которые иногда от них происходят и которые, быть может, их создают. Таким образом, это четыре главных раздела, связанных друг с другом и взаимно объясняющих друг друга: Нравы, Науки, Словесность и Искусства.